Ю. И. АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Писемский

«Public Domain»
1913

Айхенвальд Ю. И.

Писемский / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1913 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32379-7

«Известно, что Писемский ведет свое духовное происхождение от Гоголя: „Мертвые души“ и „Тысяча душ“ объединены не только сходством заглавия, но и внутренними особенностями литературной манеры. И здесь, и там – картины быта, яркость жанра, сатирические приемы, физиология русской общественности. Калинович соблазнам богатства подпал не в меньшей степени, чем самозваный помещик Чичиков, владелец мертвого. Правда, Калиновича автор потом возродил, сделал его, в должности вице-губернатора, энергичным искоренителем зла, но и тогда не освободил его от сухости сердца, не говоря уже о том, что обновление героя оказалось так же неубедительно и неудачно, как и попытка Гоголя нарисовать положительные образы…»

ISBN 978-5-457-32379-7

© Айхенвальд Ю. И., 1913
© Public Domain, 1913

Юлий Исаевич Айхенвальд
Писемский

Известно, что Писемский ведет свое духовное происхождение от Гоголя: «Мертвые души» и «Тысяча душ» объединены не только сходством заглавия, но и внутренними особенностями литературной манеры. И здесь, и там – картины быта, яркость жанра, сатирические приемы, физиология русской общественности. Калинович соблазнам богатства подпал не в меньшей степени, чем самозваный помещик Чичиков, владелец мертвого. Правда, Калиновича автор потом возродил, сделал его, в должности вице-губернатора, энергичным искоренителем зла, но и тогда не освободил его от сухости сердца, не говоря уже о том, что обновление героя оказалось так же неубедительно и неудачно, как и попытка Гоголя нарисовать положительные образы. У обоих писателей эстетически живы почти только мертвые, а живые эстетически мертвы. Оба они бледнеют, когда идеализируют, и только реализм возвращает им жизненную силу. Замечательно, что Гоголь это не вполне и не всегда сознавал, между тем как Писемский отдавал себе ясный отчет в недостатках своего великого учителя, косвенно – и своих и хотя не отрешился от них сам, но умел смотреть на себя правильно и понимал, где он, Писемский, начинается и где кончается. Это видно, между прочим, и из той критики, которой меньший подверг большего, Писемский – Гоголя. Именно догоголевскую и допушкинскую словесность автор «Тюфяка» осуждает за то, что в ней царило «направление напряженности, стремление сказать больше своего понимания, выразить страсть, которая сердцем не пережита, – словом, создать что-то выше своих творческих сил». И следы этой напряженности и неестественности он видит и у самого Гоголя: в его ранних пейзажах, в его олеографических женских портретах (Аннунциата, полячка из «Тараса Бульбы», Улинька), в его сочиненных мужских образах (Костанжогло, Муразов). Гоголь не удержался в пределах своей художнической компетенции, стал меньше себя как раз потому, что хотел стать больше себя; в этом обвиняет его Писемский, для которого так характерно это требование – не говорить больше того, что понимаешь, жить по средствам, сообразоваться с мерой уделенных тебе творческих сил. Честный, трезвый, почитатель здравого смысла, теоретик практичности, никого и ничего не прихорашивающий, создатель Ионы Циника и даже родственник ему, Писемский хочет держаться на уровне жизни, не любит ее волнений, ее моря – особенно взбаломученного; себе на уме, на большом житейском уме, лукавый и язвительный, способный к юмору, он уверен, что совсем заглушил в себе романтика и поэта, что никакие иллюзии не обманут его, что лицом к лицу стоит он с самой реальностью. Снимая с пьедестала других, он не становится на него и сам; когда, своеобразно смешав себя с кругом своих героев и себя же выведя под собственным именем (он вообще действительности не разрешил бы псевдонима), он заставляет Софи разговаривать с m-r Писемским, то, не напрашиваясь на комплимент, искренне говорит о себе: «моя неуклюжая авторская фигура». Ему в самом деле свойственна какая-то писательская неуклюжесть: приземистый, не только знаток земли, крепкий земле, но и данник ее тяжести, мастер крестьянской речи, в литературу ходок от мужиков, несентиментальный заступник их горькой судьбины, уважительный к ним, но ими не ослепленный, не потакающий им ни в их смешном, ни тем менее в их страшном, пристыдивший в их среде снохача-батьку, готовый обменяться с ними крепким словцом, вообще – сопричастный психологическому циклу нашего национального ругательства, здоровый в своей грубости, никогда не пресный, но с солью, не слишком тонкой, не аттической, Писемский так самобытен, так народен и кряжист, что своими писаниями он родной стихии точно оброк платит. Дворянин по происхождению, но крестьянин по духу, непосредственный и нецеремонный, он именно поэтому и не мог быть изящным, утонченным, и светских манер в литературе от него требовать нельзя. Мужик нашей словесно-

сти, он пил жизнь прямо из пригоршни, не брезговал мутным, не гнушался и памфлетом; насмешливый, иногда и желчный, снабженный острым чувством анекдота, он, может быть, чрезмерно изобличал, слишком заглядывал в пошлость, но во всяком случае постоянно держался только своего инстинкта, не знал никакой предвзятости и сетовал на тех писателей, которые не сами живут в жизни, «втянутые в ее коловорот за самый чувствительный нерв», а наводят о ней предварительные справки и «отбирают показания» от сведущих лиц. Резкий и решительный, Писемский зато и чужд был по отношению к своим сюжетам и героям всякой косвенности и обиняков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.